12+

Литературный Красноярск

№ 6 (300)
25 декабря 2019 г.

С НОВЫМ 2020 ГОДОМ!

КАЖДОМУ СВОЁ

К выходу первой в 2020 году книги издательства «Буква Статейнова»: «Литература Сибири».

Выход очередной новой книги или журнала в нашем издательстве для меня всегда радость. Первый напечатанный рассказ или произведение — «ох» и «ах» больше для автора. А читателю ещё нужно понравиться. Маленьким открытием автор может стать с первой публикации, а случится, что вернее всего, просто пролететь мимо читателя, как осенняя муха, беззвучно. Ни восторгов, ни критики, просто не прочитали. Хоть становись посреди улицы и кричи: что вы делаете, люди милые!

Начнём обзор «Литературы Сибири» за 2019 год с знакомых имён. Это Людмила Зубенко. Опытный, маститый автор. Она — не член никаких Союзов писателей. Хотя вполне заслуживает этого. Но она не подаёт никаких заявлений. Дескать, мне — семьдесят, зачем отвлекаться на мелочи.

В этом журнале она представлена прекрасными произведениями. Грешно мне что-то говорить о Зубенко, сами прочитаете. Мне понравилось, думаю, не разочаруетесь и вы. Стихи у неё хорошие, проза — хорошая, драматургия — замечательная.

Первым её произведения в издательстве читаю я. И первым её хвалю тоже я. Удивляет, сколько времени она в таком солидном возрасте может отдавать работе? Сейчас готовится к печати её книга поэм. Это 470 страниц. Их ещё написать нужно было. Дать материалу отлежаться и снова переработать. А цель-то, всё та же, — завоевать признание у читателя. Вышла только что у Людмилы Зубенко и поступила в продажу книга «Лирическая драматургия». Она ещё толще, чем книга поэм.. Там пьесы, драмы. В этом жанре, драматургии, среди писателей Приенисейского края у неё конкурентов нет. Главное, нет у неё конкурентов в работоспособности. Если судить по количеству произведений, по 24 часа в сутки сидит за столом.

Тамара Булевич представлена главой из романа, она называется «Не умирай, Катя». Удивительно психологически проработанный рассказ. Умеет она, казалось бы в простом повествовании, так расставить точки и запятые, что произведение трогает душу. Вот абзац из её главы:

«За долгие дни болезни Екатерина Алексеевна так ослабла, что даже собственные мысли стали пудовой тяжестью. Утомлённая минутным размышлением, заснула.

Проснувшись к полудню, вновь почувствовала подаренный ей синицей зов жизни и душистый хвойный запах — живительный аромат детства. Селезнева открыла глаза. В них, казалось бы навсегда потухших, мелькнули яркие звёздочки просветления.

…Отец и Ксения стояли у её постели. Тётя опустилась перед ней на колени, не кричала, не плакала, а осипшим голосом шептала «Отче наш» и умоляла:

— Не умирай, Катя, не умирай!..»

Сейчас много чего изменилось или меняется. Но раньше считалось, что писатель учится у писателя. Увидел какую-то находку у друга или недруга, развил её по-своему. И тебе захлопали. Теперь пялят рассказы, кто во что горазд. На некоторых литературных сайтах выставили свои труды почти по пятьсот тысяч писателей. Есть там и мои рассказы. Например, на литературном сайте «Проза.Ру». Диво дивное. Выходит у нас каждый сотый или даже пятидесятый житель России считает себя поэтом или писателем. Причём, увлекается литературным творчеством всерьёз. Книги у них есть, публикации в литературных сборниках.

А вот у Булевич учиться можно. Прежде всего, хорошо продуманному психологизму. Умеет она так повернуть события и действия в своём повествовании — слезу вышибает. Как рассказывали мне коллеги, совсем маститые, им очень интересно читать Тамару Анатольевну. У ней есть чему поучиться.

Теперь о Михаиле Яценко. Второй год у нас этот автор свои произведения печатает. Человек в годах, званиях. Как ни завидуй, а доктор философских наук — он, не я. В его стихах, к примеру, не найдёшь случайного, невыровненного слова.

И то же самое — в прозе. В этом номере «Литературы Сибири» представлена его проза. Обратите внимание, в том числе на рассказ «Районная гостиница». Человек вынужден жить в районной гостинице из-за ненастья. В родное село не идут рейсовые автобусы. Вот и сидит, занимается размышлениями. О своей жизни и жизни отца, который женат на слишком молодой для него, по мнению сына, женщине. Да ещё бог поселил его рядом с краеведом, который занимается историей этого районного центра. Так внимательно и серьёзно, что главный герой рассказа вдруг ещё внимательней начинается вслушиваться в себя и свою жизнь. И принимает вдруг решение ехать как можно быстрее к отцу, ведь стар он уже, можно и не успеть поговорить.

Валентина Семёновна Капошко в этом номере журнала представлена стихами. Сегодня это уже довольно известный автор в Красноярске. Стихи она писала всегда. А всерьёз стала печататься в последние годы, когда ей прозвенело уже за восемьдесят. Ей повезло, читатель заметил автора. Если вы читали книгу нашего издательства «Вечный свет слова» — это история литературы Приенисейского края с 1660 года.

Я представлен в этом сборнике главой из книги «Культура и искусство». Это история литературы Приенисейского края с времён доисторических, когда искусство только начинало формироваться из неискусства. Существование на Земле искусства — вопрос спорный. Скорее всего, без искусства Земля вообще не была. Ходили бы по ней только коровы да бараны. Но залитые жарками луга всё равно блестели на солнышке. И черёмуха цвела, и вишня. Это искусство высокой руки. Но которые умные, всё знают, рубят мои лирические выводы, как коса траву. Дескать, красота природы — неискусство. Она никем не создана и неосмысленна. Искусство — всё, что хорошо обдумано, а потом воплощено во что-то человеком. Но ведь жарки на поляне тоже кто-то вырастил? Обдумал, какая получится красота. И черёмуху посеял по берегам рек и по колкам, — тоже для красоты. Скажите мне, татьяновской простоте, почему красивейший мартовский закат — не искусство?

Красивейшая клумба в городском парке — искусство, а завитые в кружок кусты пионов с ярко-красными головками — не искусство?

А теперь о тех, кто в нашем издательстве печатается впервые. Это Валентина Мамченко, прозаик из Богучан. Она — не новичок в словосложении. Работала корректором в местной газете. И в нашем издательстве редактором. Прислала несколько рассказов. Один из них посвящён ныне покойному хирургу Селину из онкологического центра в Красноярске. Он многим людям жизнь продлил, в том числе Валентине.

Мне нравится творчество Валентины. Она тоже тонкий психолог. Считаю, что её рассказы сделают наш журнал лучше и читабельней.

Присмотритесь также внимательно к работам Валерия Шелегова, Николая Подгурского, Галины Королёвой из Енисейска.

Анатолий Статейнов.

В НОМЕРЕ:

ЧЕЛОВЕК С ОТКРЫТЫМ СЕРДЦЕМ стр. 2
ОТ БОЛИ ДО НАДЕЖДЫ стр. 3,6
ПЕТРОВ ДЕНЬ стр. 7
ЛЮДМИЛА ЗУБЕНКО стр. 8

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУРЬЕР

НЕИСТОВЫЙ ПРОТОПОП

В издательстве «Буква С» вышла из печати и поступила в продажу книга «Неистовый Протопоп» под рубрикой «Русская историческая библиотека». Она рассказывает о замечательном борце за духовность России — протопопе Аввакуме. Он восстал против реформ Никона в христианских обрядах и канонах. Это новое написание имени Христа, вместо Исус (старый обряд) — Иисус, крещение не двумя, а тремя перстами, прохождение крёстных ходов вокруг храмов не по солнцу, а против него.

За совесть и нравственность в обществе и боролся Протопоп. Его за это беспрестанно мучали, садили в монастырские кельи, куда дня по три не давали ни воды, ни пищи. Зимой держали в открытых ямах, как писал сам Протопоп.

Но он ни на запятую не отошёл от своих убеждений. Нет. В конце концов, Протопопа и его единомышленников сожгли на костре.

366 страниц, бумага офсетная, 65 граммов, блок чёрно-белый, обложка твёрдая, цветная, с припрессовкой. Стоимость книги 600 руб.

ПЕРВАЯ ИМПЕРИЯ РУСОВ

В новой книге писателя Анатолия Статейнова «Первая империя русов» описываются события давно минувших дней, которые история хранит до сегодняшнего дня. Примерно десять тысяч лет назад на территории, от бывшей столицы русов Стоухенджа до берегов Жёлтого моря, начала формироваться первая в мире империя скифов — русы, росы, рыси. Правда о существовании империи уже почти две с половиной тысячи лет тщательно замалчивается.

Стоимость книги 700 рублей.

ЛИРИЧЕСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ

В издательстве «Буква С» вышла из печати и поступила в продажу книга Людмилы Зубенко «Лирическая драматургия», под уже хорошо известной для читателя рубрикой издательства — «Жемчужины русской литературы».

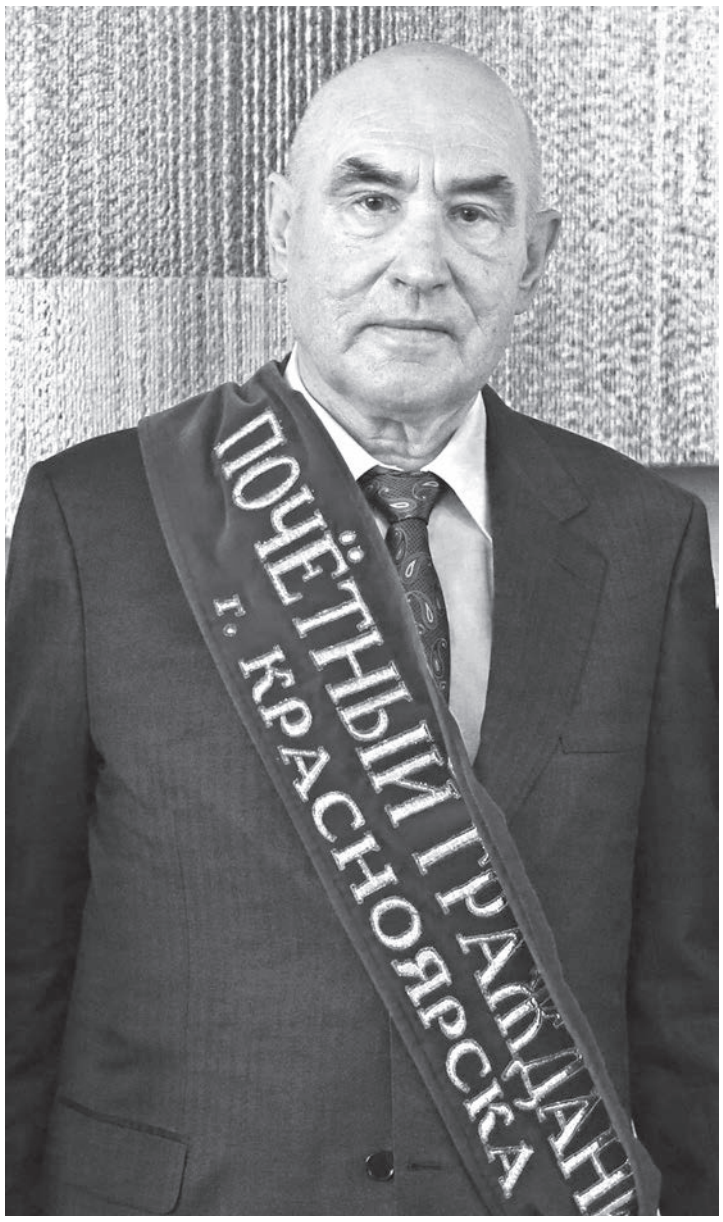
Людмила Борисовна — плодовитый автор. В этой книге у ней четыре пьесы, два сценария для фильмов и драма в пяти частях «Любовь моя выстраданная».

Правда, в драме, как и положено, всё хорошо кончается. Царевич и простолюдинка женятся, царица признаёт внука. Но автор держит читателя, надеемся, потом и зрителя, постоянно в напряжении. Каждая пьеса, сценарий или драмы Людмилы Борисовны отличаются глубоким психологизмом.

606 страниц, бумага офсетная, 65 граммов, блок чёрно-белый, обложка твёрдая, цветная, с припрессовкой. Тираж 100 экземпляров. Стоимость 600 рублей.

Заказать книги вы можете по телефонам:
8(391) 211-75-75, 211-77-78, 8-923-364-13-42;
по электронной почте: stateinov@bk.ru;
660075, Красноярский край, Красноярск, а/я 2430.
Наш адрес: ул. Маерчака, 3, кабинет 503.

ЧЕЛОВЕК С ОТКРЫТЫМ СЕРДЦЕМ



Геннадий Семёнович Лапунов

Так можно с полным правом сказать о Геннадии Семёновиче Лапунове, генеральном директоре АО «В-Сибпромтранс», который первый день наступающего года встречает со своим днём рождения. Грядущий год в биографии Геннадия Семёновича особый: осенью будет отмечаться 45 годовщина предприятия, у руля которого он бессменно стоит все эти годы, а ещё 75-летие Великой Победы. Пору военного лихолетья, когда пришлось быть на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками родной белорусской земле, цепко запечатлела его мальчишеская память.

По долгу своей журналисткой и издательской деятельности, я хорошо знаком с Геннадием Семёновичем. Как-то в разговоре со мной он отвлёкся от темы и, взглянув в окно, за которым по небесной синеве плыли белёсые ватные облака, задумчиво произнёс:

«У каждого из нас есть своя малая родина, где появился на свет и сделал первые шаги, где пролетели в невозвратность далёкие детские годы и куда постоянно возвращается память. Воспоминания о прошедшем времени, до боли в сердце знакомых местах — не дают успокоиться и постоянно теребят душу. Родился я за восемь лет до начала войны в Белоруссии, а если точнее — в селе Лесковичи Шумилинского района Витебской области. Помню, как играл со сверстниками на развалинах бывшей дворянской усадьбы и на просторах местного фруктового сада. Перед глазами так и стоят окутанные раскрывшимися на ветках бутонами с белоснежными лепестками многочисленные яблони, и в воздухе витает непередаваемый сладкий аромат. Эти картины мысленно чередуются с картинами налетевшей войны. Хорошо помню приход фашистов. Никогда не забыть ухмылки на их холёных лицах, рыжие волосы и по локоть закатанные рукава. Помню, как они поставили меня и ещё одного мальчика у амбарной стены под дула своих автоматов, и как от неминуемой гибели спасла нас простая женщина, Мария Ковалёва, которая бесстрашно бросилась на нашу защиту. Помню, и до сих пор подсознательно ощущаю вкус еды того времени. Какой был хлеб?! На свёкле с чем-то запечённый гнилой картофель. Весной мы ходили по полям, выкапывали клубни картофеля, оставшиеся с прошлого года. Потом пекли из него лепёшки, которые по цвету были не то зеленоватые, не то синеватые, но их ели. А ещё собирали по птичьим гнёздам малюсенькие яички, потому что нечем было питаться, рвали клевер — голод не то заставит... Никогда не забыть как за мной, мальчишкой, гонялся фашистский стервятник, самолёт с чёрными крестами на серо-грязном фюзеляже. Вспоминаю, как на востоке заполыхало зарево и раздались громкие раскаты, — то перешли в наступление части советской армии. Нас, гражданское население, тогда фашисты гнали в плен. Гнали толпами по дороге, по которой растянулись отступающие колонны их войск. Тогда вспыхнул наземный бой. Вокруг разрывались снаряды, поднимая в воздух фонтаны земли, валя деревья, разрушая избы, разметая в разные стороны сотни и тысячи своих смертельных осколков. Какой-то наш солдат, с пышными пшеничными усами, до сих пор подсознательно ощущаю запах его прокуренной от махорки гимнастёрки, подбежал и прижал меня к себе, затем оттащил за деревянное строение, по которому сверху сыпались и впивались в бревенчатые перекрытия осколки. Один из них скользнул по виску, впившись в щеку — так война пожалела меня, опалив лишь смертельным дыханием, и я до сих пор ношу в себе эту её отметину».

Я тогда подумал, что он — Лапунов — из того военного поколения, перед которым мы все в долгу, а также из великого времени созидателей, когда пришлось восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство, строить новые предприятия и прокладывать новые транспортные артерии, без чего не мог функционировать кровоток экономики.

В 60-х годах, являясь членом комиссии по промышленности, транспорту и связи Красноярского краевого совета депутатов трудящихся, он принимал участие в разработке транспортных схем строительства Коммунального моста через реку Енисей в городской черте, доставке материалов и подготовке промышленных площадок под негабаритные грузы на Дивногорскую ГЭС. Участвовал в развитии почтовой связи в г. Красноярске. Непосредственно под его руководством, предприятие обеспечивало доставку грузов на строительство Абаканского завода «Вагонмаш», Минусинского электротехнического комплекса, Саяно-Шушенской ГЭС, Ирбинского, Краснокаменского рудников.

Его биография — это движение вперёд: будь то внедрение новейших достижений науки и техники в производство, передовых методов управления с переориентацией на современную модель, а также плодотворная деятельность в государственных и общественных структурах.

С его именем связано становление и развитие промышленного железнодорожного транспорта страны, создание и дальнейшая производственная деятельность известного, как в Сибирском регионе, так и далеко за его пределами, акционерного общества «В-Сибпромтранс», а также компании-оператора перевозок промышленных грузов «Красопергруз».

Вся его трудовая деятельность неразрывна от поступи страны, в экономику которой предприятия, возглавляемые им, вносят существенный вклад, находясь в числе передовых.

А ещё его отмечает гражданская позиция, обращённая в, первую очередь, к человеку. Он сам говорит, что «забота о людях для меня, как руководителя, всегда на первом плане. Ведь отсюда все составляющие успеха предприятия: обеспечение производственной программы, творческое отношение к делу».

Геннадий Семёнович — это поистине человек, сердце которого неравнодушно к чужой боли и заботам. Моментально откликнется, если человек попал в беду, будь то необходимость длительного лечения, срочной операции, на которые необходимы значительные финансовые средства, или тяжёлая бытовая ситуация. Своим общественным долгом он считает оказание поддержки детским домам, интернатам для детей-сирот, детским садам и домам ребёнка. Он входит в состав попечительского совета красноярского театра кукол, оказывая поддержку и помощь этому замечательному творческому коллективу, несущему своими спектаклями радость детям и взрослым зрителям.

Геннадием Семёновичем постоянно оказывается помощь Красноярскому городскому совету ветеранов войны и правоохранительных органов, региональной общественной организации ветеранов ОВД на транспорте, Союзу ветеранов железнодорожных войск, общественным организациям ветеранов боевых действий, Совету ветеранов внутренних войск, расположенных в Красноярском крае. На всех филиалах акционерного общества, по его инициативе, всегда, не только в празднование Дня Великой Победы, отмечаются ветераны войны и трудового фронта, к которым особое отношение. И они постоянно ощущают поддержку родного предприятия. Кому отремонтируют квартиру, кого обеспечат строительными материалами, а кому через учреждения здравоохранения окажут необходимую помощь.

Геннадий Семёнович — член нашей редколлегии. При его поддержке издан не один десяток книг краеведческого направления о природе Сибири, её фауне и флоре, а также исторического плана. Многие из них пополнили фонды библиотек в разных регионах нашей страны.

Также с его помощью увидели свет страницы «Литературного Красноярска». Газета, рассчитанная на писателей и поэтов, ценителей отечественной литературы — нашла своих читателей.

Наш издательский коллектив желает этому человеку с открытым сердцем удачи во всех делах!

Счастья и благополучия Вам, Геннадий Семёнович, крепкого сибирского здоровья и дальнейших успехов!

Анатолий Статейнов,
редакционная коллегия
«Литературного Красноярска».

На красноярской выставке книжной культуры, ноябрь 2019 года

Путевые заметки

ОТ БОЛИ ДО НАДЕЖДЫ

В Сростки мы приехали рано, при звёздах, хотя заря стояла уже на пороге. На знаменитой горе Пикет ободья ночной черноты повело светлым. Розовая полоска ещё не рвала темноту, просматривалось мутно, как улица через промороженное стекло. Но было понятно, что скоро-скоро порадует утро. Гора уже обозначилась на фоне неба. Заголубело над ней, потом поплыли желтоватые краски. Зачиналось рождение дня.

Остановились напротив музея-заповедника Василия Шукшина, я тут бывал раньше, знаком с селом. Повёл своих спутников к памятнику Василия Макарыча, мы положили у подножья букет полевых цветов. Потоптались на росистой траве, повздыхали. Нарвали цветы мы ещё вечером, на перевале, когда ехали по дороге Белово — Барнаул. А потом добавили к букетику несколько веточек зацветшей здесь гречихи. Чудесные цветы — у гречихи на Алтае: пахнут мёдом, хлебом и женщиной, что ли? Особенно ночью гречиха завораживала запахами, когда мы проезжали мимо бескрайнего поля. Не выдержали, остановились, зашли в заросли посевов. Мама, милая, какая это благодать — алтайская гречиха.

Первая роса выпала и напитанные влагой цветы манили свежестью. Минут пять всего постояли на поле, а так загорелись энергией алтайской земли, будто лет по двадцать с плеч скинули. И про полудрёму забыли и про тяготы далёкого путешествия.

Возле музея уже гуртились машины, в них спали люди. Кто прямо в салоне машины, кто маленькую палатку сообразил. Все, как и мы, приехали, на шукшинские чтения. Поговорить с Василием Макарычем, пообщаться с теми, кто также его любит. По большому счету мы все здесь были единомышленники. Нас сделал такими Шукшин.

По номерам определяем приезжих: из Тувы, Красноярска, Иркутска, Томска, Новосибирска, Екатеринбурга, Москвы. Стоят машины даже с иностранными номерами. О Шукшинских чтениях многие знают.

Поскольку время было, а заснуть пока не получалось, я стал рассказывать своим путникам: Виктору Заковряшину и его однополчанину Александру Зорину, Паше Злотнику, нашему фотографу, разные истории, которые когда-то вычитал или услышал о Шукшине.

Мама его, Мария Сергеевна, часто вспоминала, что сын любил читать. Она ругается, а он зажжёт свечку, одеялом накроется и читает. Уж как она его не приструнивала. И книги отбирала, и свечек лишала, всё равно книгой жил.

Он мать любил. Повзрослел, понимал, что она сделала для него очень и очень много. Простая, деревенская женщина чувствовала: у сына — особая судьба, и небо на его стороне. Как могла, помогала Васе. Он сам тянулся к знаниям. А первой опорой на этой скользкой дорожке к знаниям и творчеству была мама. У нас человеку из глубинки совсем не просто стать признанным в Москве. У одного из сотни может и получится, кто очень и очень стремится к светлому. Василий Макарович сумел выложить свою тропинку в жизни, берега её духовности ещё долго-долго будет видно. Он свою жизнь не прожёг на пустяки, на слезы о горькой участи России и судьбе нации, он боролся.

Когда ему захотелось ехать в столицу и поступать на режиссёрский факультет, мама корову продала и дала денег. Мама его часто выручала деньгами. Помню, както нашёл письмо Шукшина Марии Сергеевне, где он «ругался», зачем она купила ему пальто, — лишнее это. Дескать, балуешь сына, у меня шинель есть. Зиму спокойно бы проходил и в ней. Потом просит в этом же письме: а валенки ты мне пришли. Москва — Москвой, а валенки надо. Надо, конечно, куда без валенок и без пальто тоже. Легко понять, на самом деле он был очень благодарен матери за пальто.

Сростки с горы

Босиком в морозы по Москве не побегаешь, хотя в то время вряд ли кто по ней уже ходил в валенках, кроме Шукшина. «Цивилизация» наступала. Валенки не устояли перед сапожками и полусапожками. А жаль, деды наши в них ходили, на десятки лет больше нас жили.

Потом Василий Макарович белыми бурками для себя разжился. У нас в Сибири они считались показателем достатка человека. Хорошо помню, как в шестидесятые годы Сибирь щеголяла в этих бурках. Любого председателя колхоза, к примеру, за авторитет не брали, если без бурок. Председатель — без бурок, всё равно, что перед тобой поставили несолёные щи. Тут если и одолевал аппетит, сразу он пропадёт.

Случись, в деревенский дом заходили два гостя, того, кто в бурках, только по имени отчеству и на лучшее место за столом. А кто без модной обуви, — особо не церемонились.

— Вань, ты вот тут, с краю, присядь, а то ещё гости будут, хоть бы усадить, не обиделся бы кто?

Обидится ли Ваня, в голову не брали, он ведь в валенках. На всех фотографиях Шукшина первых лет его работы в кино, в шестидесятые годы двадцатого века, — он в этих бурках.

Безденежье в Москве его часто поджимало, нужда припекала, просил у мамы помощь. Скорее всего, и не просил, она сама чувствовала, как сын живёт, в чем нуждается? Поддерживала. Зато и Василий Макарович помогал, когда деньги у него появились. И маме, и сестре. Дом матери новый купил, баню с ней построил. Хоть и сам рубил, а все равно баня в расходы выходила. Котёл под воду купи. А это минимум — пятёрка. Лес на сруб, стёкла на окно. Двери у столяра закажи, скамеечки в баню и предбанник. Тут все с копеечки начинается.

Василий Макарович старался хоть как-то отблагодарить маму за помощь. Вот выдержки из одного его письма Марии Сергеевне.

— Мама, я вышлю тебе 500 рублей. Это вам пополам с Наташей *(сестрой, примечание А.П. Статейнова)* — по двести пятьдесят рублей. Пусть она возьмёт на дорогу рублей 100-150, остальные положит на книжку. Как только получишь деньги, дай телеграмму. Как только она получит, пусть доедет до Бийска и купит билет в вагон «Бийск-Москва». И сразу же даст телеграмму, какого числа она прибудет в Москву. Или я выскочу или попрошу кого нибудь, чтобы её встретили и посадили на поезд «Москва — Феодосия». Ехать вообще нужно так, «Бийск–Москва –Феодосия–Судак». В каждом пункте я или кто-то другой её будем встречать. Мой адрес: Крым, город Судак, киноэкспедиция «Мальчик у моря». Шукшину.

Мама, перешли ей это письмо. Жду их не дождусь, тут море рядом, где я живу. Ребятишки, да и она сама, наберутся здоровья лет на пять. Пишите мне сразу.

Такое вот короткое откровение, и без фотографии видно, как сердце Шукшина поёт в этот момент. Самое сладкое в жизни, когда сам даришь, а не тебе подарок вручают. В эти минуты окатывает безмерное счастье, по себе знаю. Я тоже люблю дарить.

Для нас много это послание Василия Макарыча матери говорит о душе и сердце Шукшина. Как он любил своих родных, да и всех остальных людей! Знал, что родные нуждаются в деньгах, добился-таки своего момента — выручил. Пятьсот рублей по тем временам — солидные деньги.

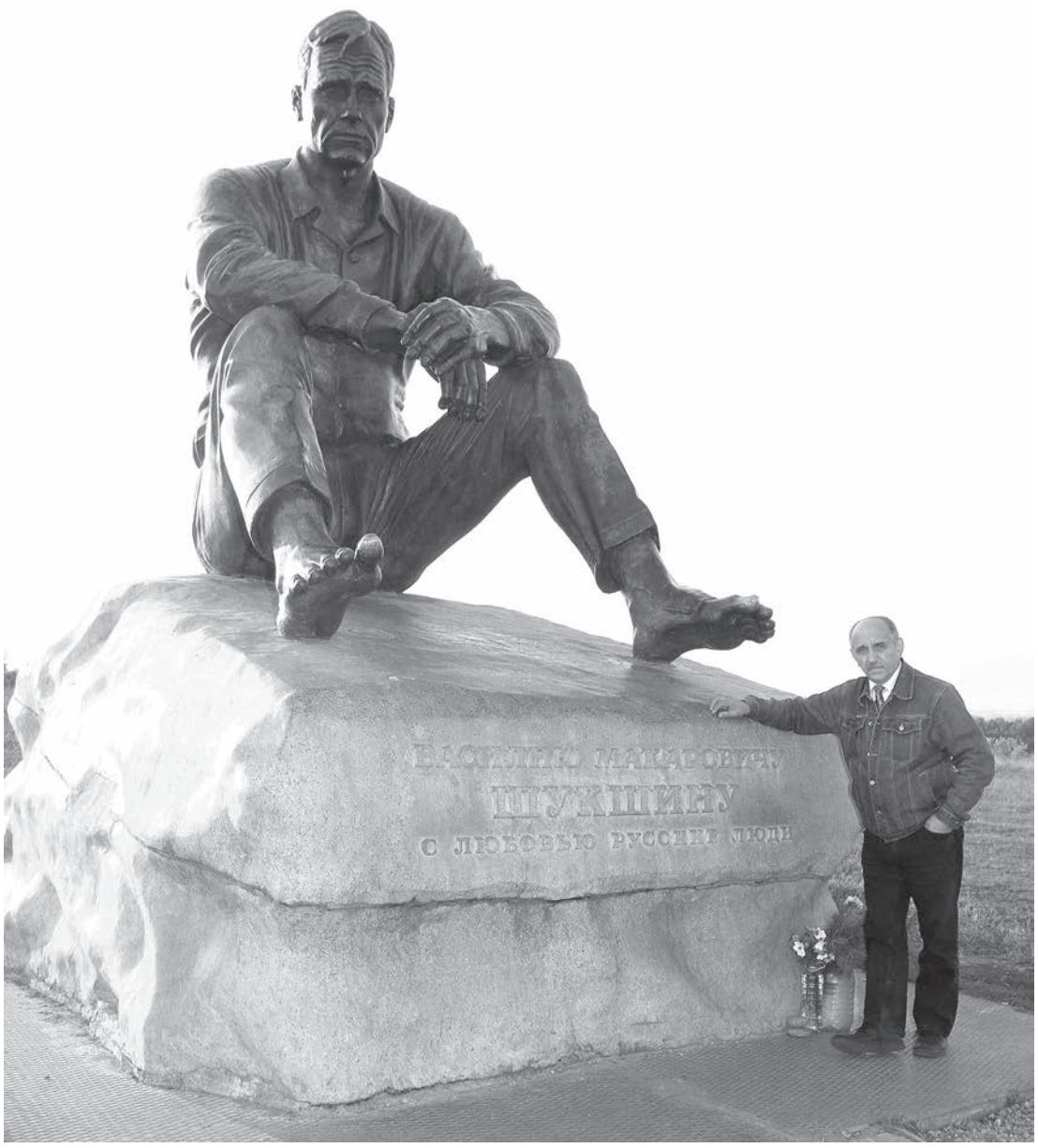
Я это по своей семье могу сказать. Мама получала дояркой 60 рублей, а отец, конюхом — 70–80. Семьёй в семь человек на эти деньги жили, ещё и учились. Мы четверо — в школе, старшая сестра — в техникуме в Красноярске. Маме с папой почти четыре месяца требовалось эти пятьсот заработать.

Отзывчивый человек был Василий Макарыч, щедрый, добрый. Не задумываясь, подарил пятьсот рублей, состояние. А ведь у самого семья была, ещё алименты платил. Он деньгам не придавал большого значения, зато подарки делать любил.

Не случайно на железной ограде музея в Сростках кто-то повесил надпись из писем Шукшина: «Люди, милые люди, здравствуйте». Прочитаешь и задумаешься: как велика Русь и как богата на таланты. А сколько у нашего народа сердечности и добра? Всем хорошим небо напитало Шукшина, чтобы люди на земле века видели, что такое русский характер.

Попутчики мои — тоже не без образования. Саша Зорин кончил сельскохозяйственный институт, а Виктор Заковряшин — Красноярский университет, филологический факультет, отделение журналистики. Редактор.

(Продолжение на 6 странице)



Анатолий Статейнов у памятника Василию Шукшину в Сростках (место проведения Шукшинских чтений)

ООО Издательство «Буква Статейнова».
Оказываем любые услуги по печати и изданию книг — от макета до готового тиража. Доверьтесь нашим специалистам, и мы подскажем, как сделать лучше и дешевле.
Заказать книги вы можете по телефонам:
8(391) 211-75-75, 211-77-78, 8-923-364-13-42;
по электронной почте: stateinov@bk.ru;
660075, Красноярский край, Красноярск, а/я 2430.
Наш адрес: ул. Маерчака, 3, кабинет 503.

Январь

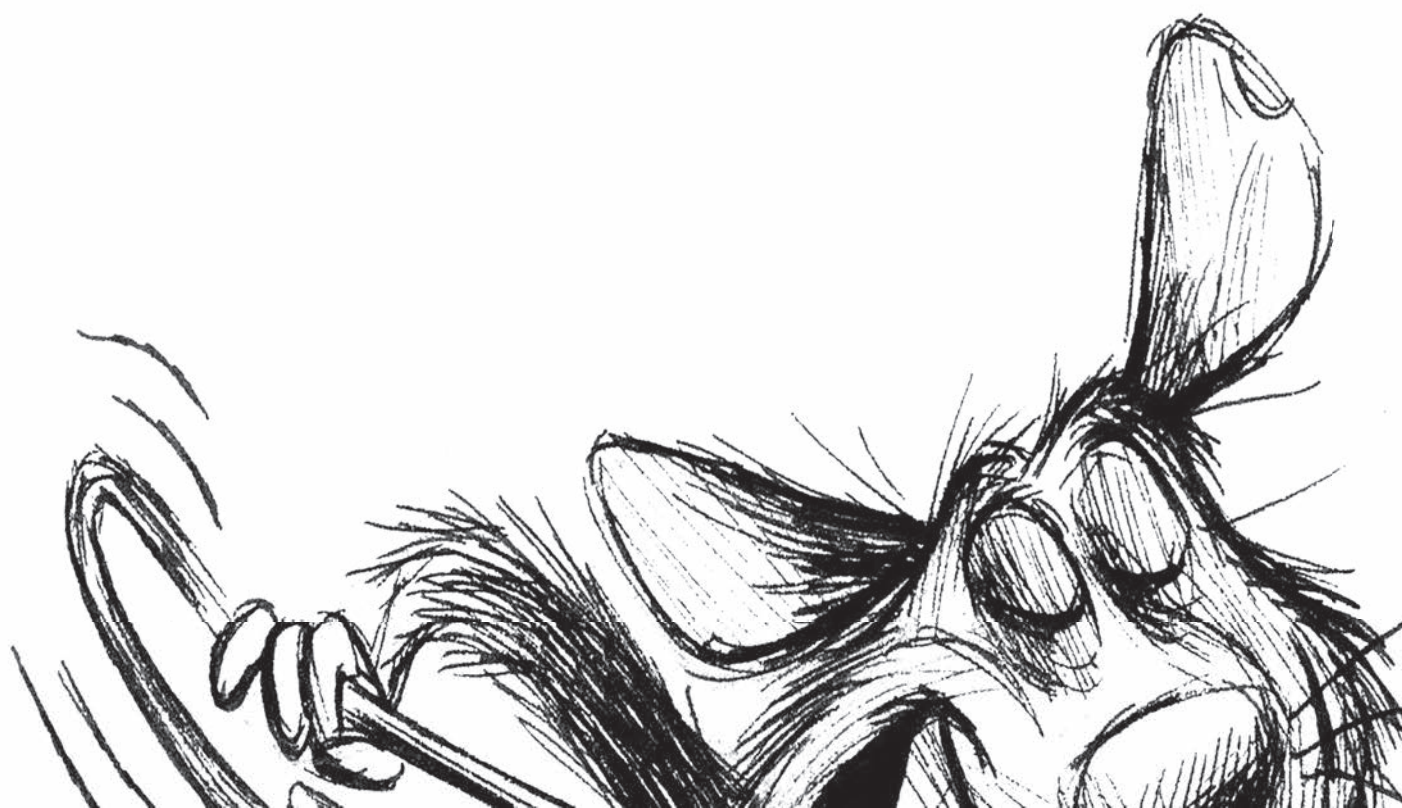
Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31		

Февраль

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	

Март

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
						1



Июль

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31		

Август

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31						

Сентябрь

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30				

Октябрь

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18

2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30	31					

Апрель

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30			

Май

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31

Июнь

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30					

19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30	31	

Ноябрь

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
						1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30						

Декабрь

Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31			

(Продолжение. Начало на 3 странице).

Но слушают, им интересно, я больше о талантливом сибиряке знаю, только что выпустил фотоальбом о Шукшине из серии «Достояние России». Разных тонкостей о знаменитом писателе мира понаходил уйму. В архивах работал, в музее Шукшина. С людьми, кто его знал, разговаривал. А их все меньше и меньше остаётся.

С рассветом машин у музея прибывает. Всем интересен Шукшин, всех к нему тянет. Скоро вся площадь забита автомобилями. Милиция приехала, просит поставить машины на специальную стоянку возле села, иначе народу к Шукшину не пройти. Порядок есть порядок, подчиняемся. И гордость берёт — праздник Шукшина получится, главное — все, кто хотел с ним пообщаться, — приехали. Это тысячи.

Мы не с пустыми руками на Алтай прикатили, привезли сигнальный выпуск фотоальбома «Горький вкус калины». Он — полностью о Василии Макарыче. И хотя работа моя, читаю его письма и реплики — на глазах слёзы: какая трудная у Шукшина жизнь была? Голубое наше небо расписало ему судьбу мученика. Но при этом подарила характер мужа. Он не терпел, сражался, не за себя — за Россию. За нас с вами. Потому книги его и фильмы так долго и живут, и ещё сколько жить будут — одно Небо ведает.

Вот как вспоминала о Шукшине его односельчанка Зоя Сергеевна Николаенко:

— Детство у него полуголодное. Все мы тогда плохо жили. А уж смирный был. Мать, бывало, отведёт его к бабушке, посадит на лавочку у печки, он и сидит. Вечером они с сестрой Натальей придут домой. А если мать ещё не пришла, прямо у крыльца свернутся клубочками и ждут её.

Как-то, когда он уже режиссёром был, нас собрали в клубе, Вася Шукшин хотел выбрать песни для фильма «Печки-лавочки». Мы запели, а у Васи смотрю желваки ходят… Так ему эти песни душу бередили…

Слушал и плакал. Гений он и есть гений. Видел он в этих песнях что-то большое, значимое, родное. О чём мы никогда не догадаемся. Рассказываю друзьям об этих воспоминаниях, а тоска давит. Такая русская была душа, талантище. Не из тысяч, из миллионов — подобный художник один раз в сто лет родится. Может и в двести. А вспоминают таких тысячи и тысячи лет.

Ещё раз подчеркнём, маму он сильно любил. Рассказывали его актёры, как-то вместе с Шукшиным они шли к нему домой. Только что приехали в Сростки. У Шукшина в руках чемодан. Чем ближе к дому, тем сильнее убыстрял шаг Василий Макарович. Потом, подходя к калитке, бросил чемодан и побежал.

— Мама, — зовёт, — мама!

И слёз не стесняется. Обнялись с матерью, будто век не виделись.

Мама у него — обыкновенная деревенская женщина. Кормила детей сама. Так случилось. Где-то на парикмахера выучилась. Могла польку стричь, полубокс, ещё чего-то. Авторитет в деревне — парикмахер. А потом сын у ней поднялся на весь Советский Союз. Очень талантливым оказался. Ох, как измотало его это признание. Сколько он здоровья потерял, чтобы работать в кино?

Известно, чтобы заносчивая и пустозвонная Москва тебя в свои ряды приняла, могучим талантом ты должен быть, иначе затопчут, осмеют. Там научились сворачивать головы способным. Многие одаренные из глубинки и до смерти своего признания не сподобились. Зато пустозвоны эти в Москве, как осы возле с сахара, плясали и пляшут от счастья. Если видят талант, зажалят. Скорее всего, до смерти, — вспомним Есенина. Пока не убили, не успокоились. Шукшина также.

Зачем серости тот, кто ярче её? Плесени — солнышко и чья-то счастливая улыбка — смерть. Проще всю жизнь в сырости и сумерках. А если рядом кто-то потянулся к солнышку, мигом подрежут и ножки, и голову. Солнышко для них — что-то вроде большого пожара.

Мария Сергеевна тяжело переживала потерю сына. И ещё больше, что не похоронили её родного сыночка в Сростках. Ей так хотелось, чтобы после её смерти они лежали рядом.

До самой смерти не успокоилась. Всё спрашивала себя и небо: почему и за что? В столовой местной померла, садилась за стол, упала, и не вздохнула даже. Всякий раз, когда я приезжаю в Сростки, хожу на её могилку. В этот раз вместе с попутчиками ходили. Святая, светлая женщина, такой обязательно поклониться нужно. Её душа — и сейчас в Сростках, всё видит и всё слышит, по-прежнему печётся о своих односельчанах. Чтобы это понять, нужно только прийти в её домик, где она жила, и посидеть там на скамеечке, посмотреть с бугорка на село. Вы увидите не только Сростки, а всю Русь. Я подолгу сидел на этой лавочке, не с чужих слов знаю.

Музей для посещения открыли в десять часов. К этому времени, те кто приехал ночью, отдохнули немного в машинах, привели себя в порядок, пошли Шукшина смотреть. Засверкали в залах музея вспышки и наших фотоаппаратов.

Мне всегда почему-то казалось, что худенький, невысокого роста Шукшин не смотрелся рядом со своей последней женой. Это всё равно, что хрустальную вазу отправили погулять по улице с кирпичом. Чуть повернулся кирпич не ловко, и нет вазы. Так и хочется закричать: осторожней, госпожа Федосеева, рядом с вами гений! Что толку сейчас кричать, раньше надо было. Может, кто и кричал, обязательно были такие люди, но их не услышали, да и не собирались услышать. Федосеева возле себя Шукшина для престижа держала. Не стало Василия Макаровича, она и не вздохнула, поклонников и без него много. А ничего другого ей и не нужно больше. Всякие там раздумья, воспоминания о Василии Макаровиче — эти хлопоты не из её жизни…

Женитьба Шукшина на Лидии Федосеевой — это какой-то поворот судьбы. Неожиданный, роковой. Но сам он, конечно же, так не считал, он любил последнюю жену. Наверное, крепко любил. Но сегодня, когда за десятилетия после смерти вся жизнь Шукшина разложена по полочкам, нельзя не отметить, что на талант Шукшина очень сильно повлияла его первая жена — Мария Шумская. Она тоже от земли и могла бы мужу помочь в работе.

Теперь уже в глубоких годах Мария Шумская. В последний раз, во время посещения Сросток, была у меня мечта побывать у неё. Познакомиться, поговорить, сфотографировать. Даже хотел помочь ей написать книгу, название рабочее придумал: «Мой Шукшин», не случилось. Буду стараться, хотя вряд ли у меня получится, годы — не те, а заделок столько — писать да писать.

Хотелось вот сделать книгу о Марии Семёновне Астафьевой. Она похоронена на нашей, красноярской земле. Это могучая русская женщина. Она талант мужа вынянчила, выпестовала и в свет выпустила. Сподобил бог, хоть и второпях собранная, но такая книга в «Букве Статейнова» увидела свет. Только ведь и Шумская — личность. Может, съезжу, если небо поможет.

Смерть Василия Макарыча — ещё одна загадка для истории. Многие люди считают, что ему настойчиво помогали уйти на тот свет. В том числе так думал большой друг Шукшина, борец, Алексей Иванович Ванин. Они познакомились на съёмках фильма «Золотой эшелон». Ванин — тоже актёр:

— Я встречал его гроб в Москве, — вспоминал Алексей Иванович, — Отснялся в фильме «Они сражались за Родину» и улетел в Москву. Тогда основная моя работа была тренером сборной СССР по борьбе. Мне позвонили: Вася помер.

Взял ребят — борцов, поехал в аэропорт. Бондарчук был пепельного цвета. Шукшин лежал в запаянном металлическом гробу, а сверху — деревянный ящик. Мы оставили гроб в институте Склифосовского, строго наказали — без нас не вскрывать.

Хотели похоронить Васю на Новодевичьем, а в те времена для этого нужно было разрешение получить. У Шукшина для этого чинов и званий не хватало. Но дошло до Брежнева, и он повелел — хоронить на Новодевичьем. А когда приехали в институт, гробы разломаны, Васю вскрыли.

Три сторожа там, а когда вскрыли, кто, зачем — неизвестно. В том числе металлический гроб распилили. Искать нарушителей покоя Шукшина никто не стал. Потому, думаю, не всё здесь чисто. Он ведь хотел снимать фильм о Стеньке Разине. Ему предлагали снимать, что угодно — продолжение фильмов «Ваш сын и брат», «Живёт такой парень», но он думал о Разине. С его талантом это была бы атомная бомба на хулителей России.

О его убийстве говорили, да и сегодня говорят. Главная задача недругов России — лишить нас духовности. Когда мы станем стадом овец, тогда со страной можно делать всё, что угодно. А чтобы сравнялись мы с овцами, нужно совсем немногое — отправить на тот свет наших учителей, художников, писателей, историков. Убить лучших. Однако, не помнят наши недруги истории, она рано или поздно, всё равно откроет правду. И тогда мы всё узнаем о подлости подлых.

Приведу ещё одно сомнение в его естественной смерти, его Александр Михайлович Калачиков высказал, — он хорошо знал Шукшина:

— Он переиграл сам себя. Влез в кирзовые сапоги, а потом хотел скинуть — а ему уже не дают. «Печки лавочки», гармошки-балалайки — снимай. О Степане Разине, о России, о народе сказать — этого не дали. Он понимал, в чём причина, а выхода не видел.

В чём-то с ним можно согласиться. Так и ушёл Василий Макарович, не довёл до конца свои большие задумки. Но и того, что написал и в кино снял, — для простого смертного много. Обычному человеку, если он — не Шукшин, не меньше трёх жизней на такое нужно.

Вечером мы отправились ночевать на берег Катуни, в палаточный лагерь. Его специально сделали для гостей средней именитости: писателей и журналистов из сибирской провинции, композиторов и художников, тоже сибирского разлива.

Настоящие «гении» из Москвы жили в Бийске, в элитных номерах гостиниц, кушали дорогие блюда и запивали их божественными винами, чтобы на следующий день говорилось легче. Правда, равных с Шукшиным среди них и быть не могло, но всё равно «гении». Они за государственный счёт в Сростки приехали. Простакам, типа нас, за ними не изловчиться.

Сварили мы себе в походном котелке каши, достали из сумок сала и огурцы, редиску и домашний квас. В стане этом палаточном коротали ночь, в основном, музыкальные коллективы, прибывшие в Сростки со всех концов Сибири. Возле их автобусов тоже затеплились костерки, а потом зазвенели песни. Это был не концерт, волшебство. Звенели хрустальные девичьи голоса над рекой. Звали к себе, горячили. И от этого звонкого девичьего огня ночь казалось тёплой-тёплой. И мы, не сговариваясь, ушли слушать девчат, выпить с ними крепкого чая, поплясать вместе у костра. Так ударить плясовую, чтобы река ещё веселей заговорила.

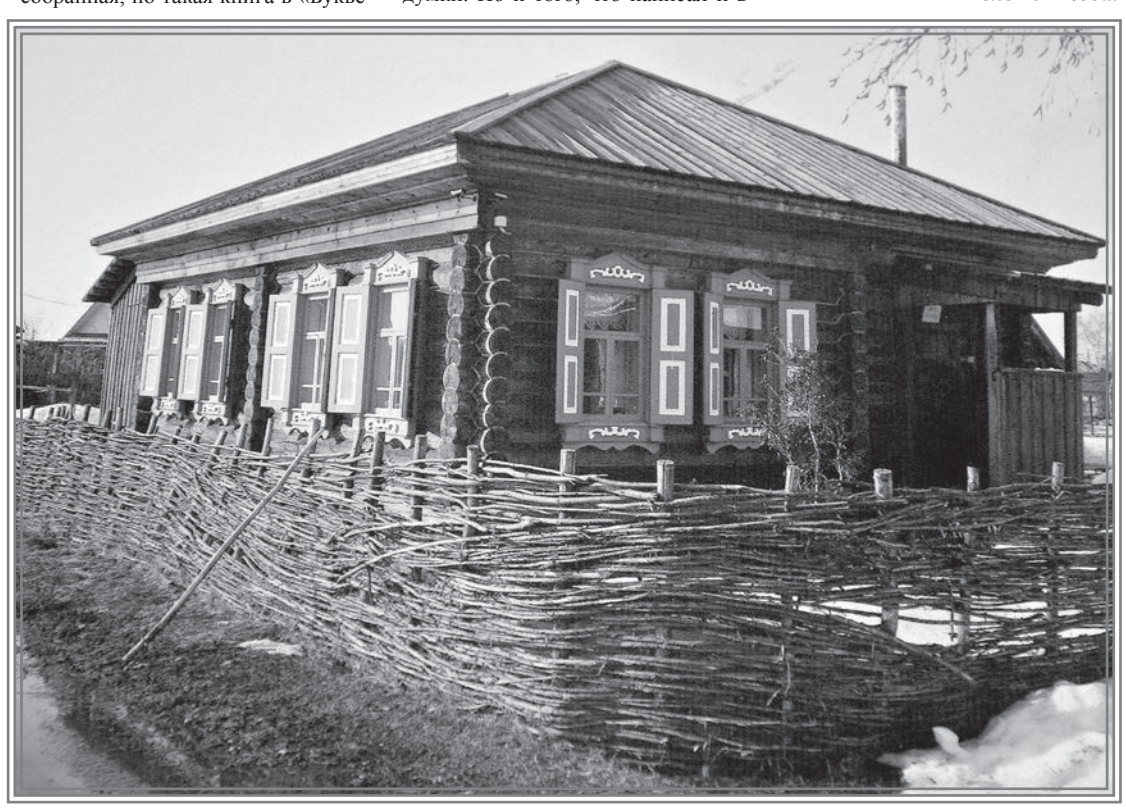
Особенно долго не могли угомониться казаки из Омска. Сильные мужские голоса, как молитва о вечности, катились в туманы над Катунью. А вслед за песней летело притопывание и присвистывание.

Создавалось впечатление, что где-то там, над Катунью, в ночном небе, между звёздами и туманом, поют наши деды и прадеды, славят свою Россию, подбадривают нас. А потом, расступившись над туманами, мостят новую дорогу в будущее матери нашей — России

Мы очень жалели, что ночь оказалась такой короткой. С неповторимой красотой и такими чудесными песнями никак не хотелось расставаться.

И мне казалось, в этом вселенском священнодействии, на наших глазах, снова рождается сильная и могучая Русь. И если не в эти секунды шло её рождение, гордая Россия всё равно вспыхнет, как самая яркая звезда на Земле. Обязательно и в самое короткое время. И намного скорее случится таинство, если все мы, каждый по своим возможностям, будем помогать Руси. А если сделаем для Руси хотя бы четверть того, что сделал Василий Макарович Шукшин, — цены нам не будет.

Анатолий Статейнов.
Алтай, Сростки.
Июль 2012 года.



Анатолий СТАТЕЙНОВ

ПЕТРОВ ДЕНЬ

(Окончание. Начало №4-5 (298-299))

Сеструха вздохнула обречённо, будто торопилась, торопилась, но так и не поспела к нужному поезду. Осталась на перроне с билетами в руках. Никаких у ней козырей, на переубеждение Вали, не родилось. Мы помолчали, сеструха пригубила чаю и раз, и два. Чай, видно, понравился. Она повернулась ко мне, стала выпытывать татьяновские новости. Кто из её бывших подружек живой, кого уже нет. Оказалось, из одногодок никто уже на солнышко не смотрит, нет их в живых. А здравствует только сестра её мужа, Нина Тенцева, но это Галина Петровна и без меня знает.

— Хоть как берегись и лечись, — заметила сеструха, — Господь забирает каждого, когда ему нужно. Не хотите стать христианами, не нужно, но помните: все перед Богом будем.

— Бог у нас один, — улыбнулся Валя, — только веры разные.

Утро, день ли уже разгорался. Дул лёгкий ветерок. На небе одна голубизна, который уже день ни облачка. С обеда — жара. Воробьи забивались в тенёчек под навесом, раскрыли рты, чирикать себе дороже. Кошка того же мнения. Легла под этим же навесом на колотые дрова, в сторону воробьёв и глазом не кинула. Какая охота, если дышится словно в бане. Засиделись мы за столом во дворе, заговорились. Даже души открылись друг к другу.

Но, увы, Марина к нам вышла. Сразу стало понятно, они с Валей за короткую семейную жизнь ещё толком и не поговорили. Пришлось Галине Петровне свернуть претензии к Вале. Молодая жена села рядом с Валей, что-то зашептала ему на ухо, он заулыбался, уже не той улыбкой, которую нам с сеструхой дарил. На уме у них теперь только то, что им вдвоём известно. То обнимутся, закачаются, как жарки на ветру. То она ему опять что-то на ухо ворожит. Валя, родная кровинушка, теперь нас с сеструхой и не видел, забыл, что мы рядом. Порвала Марина весь тёплый разговор. На душе у меня потемнело, как у мамы Марины, когда она мне на дочь жаловалась. Вот вам и весь Валя. Мы с Галиной Петровной в его жизни — пятое колесо. Ему Марина нужна, он с ней счастлив.

У ворот загудела машина, кто-то приехал. Всё, праздник начался. Я пошёл встречать, Валя полетел в дом с чайником, поставить его на газ. Сеструха за ним поковыляла, кружек принести, достать из сумок свои деликатесы. Она много чего хорошего притартаниваетъ каждый раз. Первых в этом году солёных рыжиков, маринованной черемши, малосольных ленка и хариуса, моё любимое варенье из жимолости — мужа её, Анатолия, это работа, того самого, который теперь с попадьёй хлопочется о её хозяйстве. А может, уже и совместное ведут. Но грех это, с моей стороны, завидовать другу, лучше помолчу. Тем более, попадья молодая и красивая, в монастыре жила. Там нет возможности грешить. Повезло же Толяну под старость лет.

А к воротам подъехал татьяновец, Генка Кутин с женой. Они всегда первыми подскакивают. Генка — тоже Статейнов. Они привезли на общий стол пирогов с луком и яйцами, морс из брусники, салат из свежих огурцов. И, наконец, лёгкие котлеты, которые Генка всегда жарит сам, никому не доверяет. Скажу только, по котлетам Генка — ещё какой специалист. На Новый год мы опять — все в Татьяновке. Я фаршу покупаю говяжьего, свиного и куриного, Генке отнесу. Потом только радуйся, как в мгновенье гости свистнут его котлеты со стола.

У меня стол специально для праздников сделан, на него много чего можно поставить. Да и сесть за него могут сразу два десятка человек. Вряд ли ещё у кого в деревне есть такой же стол.

Следом отворил калитку двоюродный брат Витька Банин из Зеленогорска, с женой и целым отделением сыновей. Жена у него — повар. Всегда каких-то редких деликатесов наделает. И сейчас что-то привезли в большой стеклянной посудине. Оказывается, зажаренный в собственном соку гусь. У Таньки никогда нет проблем, что приготовить? Не потому, что училась она на повара. Таня ведь Соколова, а Соколовы девки умеют на кухне сделать что-нибудь повкуснее. Мать их, тётя Тюня, всему научила. Не хочу нашим сёстрам и племянницам ничего плохого сказать. Но им — до Татьяны на кухне, как до Луны. У Татьяны и голова на месте, и руки из нужного места растут. Какая же она была в девках красавица, но не меня, Витьку выбрала к себе в женихи. Вроде бы и улыбалась мне, а Витьки держалась. Где тут женишься, когда кругом у девчат два-три человека — в женихи. Я почему-то всегда в запасные попадал.

А в проёме калитки уже улыбается Валерка Сёмин. Он мне двоюродный брат, сестра его Наташка следом за братом с сумками, потом Валеры и моя двоюродная сестра Рая Сёмина. Хорошие и добрые сёстры и братья. Я про Валеру уже писал. Открытая и приветливая душа. Когда бы не заявился в гости, всегда найдёт себе работу в моём доме. Стиральную машину ремонтирует, плитку чинит. Когда его рукам нет какого-то дела, он себя плохо чувствует. То телевизорную антенну мне настраивает, то штакетник палисадника переберёт, цепи от бензопилы наточит, крючок в туалете прибьёт. Валера часто в гости приезжает, потому и дом у меня более-менее ухоженный. И ворота у меня уже лет пять как не падают.

Подъехали два сына рано ушедшей сеструхи нашей Тамары. Потом дяди Миши дочь Вера, она в девичестве Статейнова была. Эти из Красноярска, намотались за утро, все-таки 135 километров до Татьяновки. Вера с мужем несут целые баулы на стол. Люди состоятельные, Вера Михайловна в большом банке работает главным бухгалтером. Такая не на каждого и посмотрит, времени у ней на это нет. Сядем только у реки, расстелим скатерти, а ей звонок. Разведёт руками: простите! Только её и видели. Большая должность — большие деньги. Но сам себе уже не принадлежишь.

Потом на двух машинах Литовки примчались из Зеленогорска. У них за старшего Колька, бывший прапорщик милиции. Где Колька, там всегда порядок и уважение. Литовченко — по маме нашей нам родня, но батю, Петра Васильевича, они все уважают.

Колька всю жизнь разводит свиней. Промахал возле мимо меня сумками, сразу слышу запах копчёного сала и домашней колбасы. Такая сладость. Жаль, что мне по состоянию здоровья эту сочную, хрустящую на зубах колбасу можно только понюхать. Чеснок благоухает, два сорта перца, нежно-нежно отдаёт гвоздичкой. Как только колбасу вытащат из печи, ставят остынуть, Колька её сразу гвоздикой пересыпает. Отсюда и волшебство запахов.

Колька с женой, двоюродным братом Витькой, Витькину родную сестру Надьку уговорил приехать. Смотрю, нынче гостей будет даже больше, чем в прошлом году. Батя до последнего на охоту ходил, в том числе вместе с Колькой у костра стопочкой беленькой грелись. Как вспомню эти охоты с папой, дрожь бьёт.

Батя за долгий день выходит нас в пушинку одуванчика. Куда ветер дует, туда и клонимся. Сил нет, даже говорить. Колька Литовченко, как лось здоровый. Часов по двенадцать с папой отбегает, придём домой, он руки и шею помыл и в клуб. Хотя после такой охоты, даже неисправимый бабник Валентин мог только спокойно дойти до дивана, сесть и так вот, сидя, в полной немощи заснуть. Не было у него сил идти к девкам, да и кому он там нужен, бессильный.

Потом племянник мой Женька заявился. Он один нажал на сирену машины уже перед домом. Загудел, что в голове у меня ойкнуло. Тот ещё специалист форс показать. Жена его каждый год — с детьми на юге. Но Женька с нами, не знаю, чтобы мы без него делали. Костёр под казаном с бараниной он разжигает, Женькина это работа, когда все мы уже за столом, домашние деликатесы пробуем, он костёр разжигает. Женька постоянно колготится за каким-нибудь пустяком. Баранину сварит, жар под шашлыки готовит, казан моет. В саже весь, бараньем жиру, на руку дует, пальцы где-то обжёг. С полчаса потом шею в речке песком трёт. Но поднимется к столу, подбородок и щеки — чёрные.

Генка Крок рядом со мной живёт, он просто перешёл с женой и тремя детьми через дорогу. Генка — хозяин деревенского магазина и все деликатесы на общий стол принёс из магазина. Потом Петька Обломов с женой и детьми, Вера Тагаева с мужем и сыном, Серёга Статейнов из Зеленогорска с женой.

Серёга не только самый высокий среди нас, но и самый тучный. Килограммов сто пятьдесят, если не с лишком. Где за столом легко сядут трое, он, со вздохами и ахами, едва-едва умостит себя одного. Постанывает при этом, будто целый час в бане парился. Перед родными извиняется, вот, мол, как закрутила меня старость. Только старость ли причина? Аппетит у него совсем как у молодого ухаря. Все мои сегодняшние гости не съедят столько, как он.

Серёга за столом пьёт только чай, а ест сразу за пятерых землекопов. Копчёного сала Колька Литовченко всегда привезёт килограммов пять, Серёга легко его уполовинит один. И если бы наши женщины не раскладывали резаную домашнюю Колькину колбасу по разным тарелкам, Сергей Петрович без надсады и физического напряжения уплёл бы её всю один. Знатный родственник. Хотя казан ещё разносит благоухание сваренного барана, но все уже наелись и теперь раскинулись на зеленой траве. Кто пытается какой-то разговор наладить, а кто и приснул. Серёга ещё долго ест. Запивает свежее мясо морсом из жимолости. Прикусывает свежим чесноком и зеленью лука. Пытается даже что-то объяснять Валентину из своей жизни. Но Валя — рядом с молодой женой. Она обняла его за плечи и опять что-то шепчет на ухо. Меня как шилом в заднее место колет. Хочется встать и спросить, когда они наговорятся. Валя, черт побери, ты раз приехал, я тебя ещё десять лет не увижу. Я — твоя родная кровь, но брательник по-другому считает. Сердится и Галина Петровна, но молчит. Мы теперь с ней из Статейновых — самые старые. Зачем нам чужое счастье пустыми словами леденить.

В молодости, помню, дрались мы с татьяновскими ребятами. Серёга приехал, один пошёл к толпе. Быстро все уладил. Кто зубы выплёскивал, кто от страха убежал, никто к нам до сих пор не вяжется после его тогдашнего появления. Сергей Петрович — по характеру Статейнов, как и Гена Крок.

Галина Петровна всех обнимала, целовала, крестила и благословляла на лучшую жизнь. Дай Бог, чтобы у всех нас именно так будущая жизнь и сложилась.

Наконец, уселись за широким и длинным столом, Валя с сеструхой налили чаю. Неторопливо согревалась беседа, это прекрасно, когда все братья и сестры хотя бы раз в год встречаются вместе. И пока центром нашего единения служит мой дом. Думаю о будущем, где Статейновы станут собираться, кто будет у них вожаком?

Затем все поднялись и пошли к Петру Васильевичу на кладбище. Только Женька и Крок быстренько переоделись и отправились резать и разделывать барана. Шашлыки готовить будет Петьки Обломова жена Наташа. В шашлыках она и Таньку Банину, Соколову в девичестве, запросто обойдёт.

Шестьдесят седьмой год живу, и эти походы к бате почему-то становятся для меня одной из самых сладких минут в жизни. Первым идёт Серёга. Несмотря на тучность и рост, да и возраст уже, за шестьдесят, Серёга шагает быстро, с улыбкой здоровается с односельчанами, которые покоятся на своих лавочках, зевают. От скуки семечки шелушат. Серёга что-нибудь крикнет им с дороги. Все уже знают, в Петров день Статейновы проведывают Петра Васильевича. Зазвенят с лавочки и односельчане: Васильевичу там привет.

Рядом с Серёгой я с Петькой Обломовым, Андреем Заковряшиным, он тоже Статейнов, Генкой Кутиным, Избором Ткаченко, Станиславом Тагаевым, Игорем Пузыревым, Радой, Богданом, Ярославом.

Литовки всегда чуть сзади. Они и идут своей группой. Все вокруг Кольки, он в роду Литовченко старший, рядом с ним дети его, Витька с женой, сеструха его Надежда, дочь её. Замыкает колонну моя машина, за рулём которой Валя Статейнов, рядом жена его и Галина Петровна. Они везут лёгкую закуску и по стопочке вина или водки, у кого как душа жаждет.

Трое из наших: Женька, Валя и Серёга Статейновы не пьют совсем. А крепко выпивающих в нашем роду вообще нет. Те, кто выпивает, они — не Статейновы, сами себя вытолкали за пределы рода. Их мы не приглашаем. Отступят от дури, поймут, что они — люди, с большим удовольствием примем. И через костёр научим прыгать и супом бараньим угостим. Даже Серёга, несмотря на свои размеры и объёмы, летит через огонь как древний славянский герой в бой. Только приземлившись на опорную ногу обязательно ухнет, как пугающий жертву медведь, и неуклюже упадёт.

Мы неторопливо идём к отцу, я знаю, он рад гостям и ждёт нас. Всем хочется постоять возле его могилки, высказать уважение и сказать ему что-нибудь доброе. Больше десяти лет прошло, как хоронили батю, прекрасно помню, что все полтора километра мы несли его на руках. Мужики подходили к тем, кто нёс, просили и им дать такую возможность. Этим самым они хотели поклониться его духу и телу и сказать спасибо за добро.

— Дай уважить Васильевича. Он мне, считай, отцом был. Пронесу хоть немного. Пусть он знает, что мне без него горько.

Вытрет слезы, край полотенца через себя, — и дальше медленно идём по улице. Людей собралось на похороны бати тысячи полторы — две, никого раньше на моей памяти в Татьяновке не хоронили ни когда с такими почестями и уважением. В деревне сто пятьдесят человек, старых и малых. Все, кто его знал, приехали. Замечательный человек был у нас батя.

Может, наши добрые слова ему и улетают за горизонт никем не услышанные. Но это вопрос второй и для нас не важный. Если мы говорим, значит, батя слышит. Он не может не проснуться на минутку, если к его могилке пришли дети, внуки и правнуки. Мы ведь за этим и собираемся к нему в гости. И хотя тех, кто разговаривал с ним при жизни и чокался стопками на праздники, в том числе в День Матери Берёзы, всё меньше и меньше, мы, живые, хорошо помним его голос и улыбку, его нежное отношение к нам. На охоту он ведь тоже таскал нас с благородной целью, чтобы все мы были крепкими физически. Он всегда говорил мне и другим: смотри и думай. Учил пошире смотреть на жизнь.

С нетерпением ждём свой праздник на берегу речки Рыбной. Сейчас нас много, и главное — мы едины в эти минуты. Я рад, что мы сберегли свой род. В этом есть заслуга Серёги, Валентина, меня и всех других родственников. Но серьёзнее всех — вклад отца. В День Матери Берёзы он приглашал всех родственников к своему хлебосольному столу. Перед смертью он всех нас просил чтить этот праздник.

Только не растеряли бы наши потомки, всё, что мы собрали. Слышишь, батя, помоги нам быть сейчас и завтра остаться едиными. Ой, боюсь, боюсь, разбазарят дети и внуки то, что мы с таким трудом накопили.

Если в России крепкий и сплочённый всего лишь один род, страна смотрится счастливей. Так же, как и мы, регулярно собираются теперь Корневы, Ратниковы, Туговы. Может, с нас берут пример или сами закипели желанием общаться чаще. Россия от этого только выиграет.

Мелкий полуденный ветерок покачивает деревья на кладбище. Не останавливаясь, катит солнышко по небосклону. Поют в тени деревьев птицы. Так было вчера, мало что изменилось сегодня, не переменится и завтра.

Мы, сегодняшние, — всего лишь маленькое колечко в долгой цепи жизни России. Мы видели жестокое падение своей страны, знаем её подлых убийц. Нам и сейчас стараются передавить глотки. Но мы сегодня пришли к бате, и чуть позже отправимся на речку к Скляровой горе. Там до вечера будет гореть большой костёр единства. Его никто и никогда не затушит.

Возле могилки бати я поднял свой стакан и часть вина разбрызгал на могилку дорогого мне человека, поклонился ему и попросил.

— Слышишь, отец, спасибо: ты научил нас видеть Русь и любить её. И мы передали это своим детям, внукам и правнукам. Помоги же нам не разорвать эту последнюю цепочку единства и будущего могущества Руси. Слышишь, батя, без тебя это сделать не получится.

ЛЮДМИЛА БОРИСОВНА ЗУБЕНКО

Место рождения: Россия Красноярский край, Н-Ингашский район, пос. Южная Тунгуска, в офицерском городке, в 1952 году. С 1959 года проживала с родителями в г. Иркутске, где училась в нескольких школах №№ 67, 68, 7, в Канске училась в школе № 21. Первые свои стихи написала в десять лет на конкурс. Написано много стихов, текстов песен разного жанра, произведений в прозе и др. Руководитель литературного объединения «Лазурит» — филиал № 2 Чеховской библиотеки, в котором создан поющий коллектив «Русский сувенир» (Канск).

**А СЧАСТЬЕ,
КАК ТУЧКА С ВЕТРОМ**

А счастье, как тучка с ветром,
Оно, как с дождём гроза
И где же ты мой, любимый,
Проплакала все глаза.
Надену для встречи платье,
Глаза подведу сурьмой.
Я жду в этот вечер счастье,
Чтоб только всегда со мной.
Бокалы давно налиты
И плавятся свечи дотла.
С разлукой и болью квиты,
С надеждою жду тепла.
Признаний и тёплой встречи,
И ласковых рук тепло.
Но только погасли свечи
И счастье в туман ушло.
Ушло по другой тропинке.
Совсем не ко мне, к другой.
К подруге, кудрявой Зинке
Надежды ушли, покой.
Ушло, растворилось в дымке
Уютной любви костров.
А мне торосы и льдинки,
И грёзы из прошлых снов.
А счастье, как тучка с ветром,
Ушло, как с дождём гроза.
И где же ты мой, любимый,
Проплакала все глаза.
Надежды, надежды, грёзы
О счастье и о былом.
Кому-то любовь и розы,
А мне — одинокий дом.

**БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ,
ЛЮБИМЫЙ**

Благодарю тебя, любимый,
За радость встреч и расставаний.
За ожидание в ночи любви
И трепетных желаний.
За ночь бессонную, за ласки,
Счастливый миг и грёз мечты.
Благодарю тебя любимый
За то, что есть на свете ты.
Благодарю за радость дня,
За шум дождя и тёплый вечер.
За пенье птиц, что для меня
С тобою предвещали встречу.
Благодарю за свет Луны,
Чей луч ласкает лик любимый.
За чувства нежные твои,
Порыв любви неутомимый.
Благодарю, родной, за то,
Что есть, что можешь улыбнуться.
Своею ласковой рукой
К моей ладони прикоснуться.
Поток твоих безумных слов,
Взвели меня на пьедестал.
Ты воровал меня из снов,
Мой сон и душу охранял.
И мой покой, и мой уют,
Когда пишу, так тихо в доме.
А ты, с газетою в руке
Сидишь тихонько на балконе.
Прекрасный взор твой чист и светел,
Что изумруд живой воды.
Как всё прекрасное на свете
И рук художника — труды.
Благодарю тебя, любимый,
Что ты со мной, за всё, за всё.
Зато, что есть, зато, что любишь
И за терпение твоё.

НА КЛОЧКЕ ГАЗЕТЫ

На клочке газеты так, совсем, случайно
Из детдома с мальчиком встретилась я взглядом.
Повидав ребёнка и тоску в глазах
Перед жизнью взрослой, в них печаль и страх.
Защемило сердце, мужу рассказала,
Трудно было очень, справки собирала.
И мальчонке этому, чтобы не скучала,
Взять его сестрёнку я пообещала.
Ведь с детьми мы вместе всё преодолеем.
Ну, а мне соседки: Всех не пожалеешь…
Ну и пусть косятся, крутят у виска,
Жить без смеха детского — полная тоска.
Просит, расскажи мне, я родился чей?
Я тебя считаю бабушкой своей.
Я глядела ласково, слёзы не тая.
Говорила малому: Да, родной, твоя,
Самая родная, милый, мой, хороший.
А малыш в ответ мне: Я тебя не брошу,
Буду тебя слушать, помогать, любить,
Мы с тобою вместе станем дружно жить.
Да и ты, родная, не бросай меня.
Живи долго, бабушка, милая, моя.

ПРОСТИ, ОТБОЛЕЛО

Как всё смешалось в нынешнем мире.
Брожу одиноко в пустынной квартире.
Вчера только были дыханье и плечи,
И вот одинокий, печальный, мой вечер.
Цветочки завяли и хлопнула дверь.
Смотрел на меня ты, как раненый зверь.
Как больно, обидно, ну, что я сказала…
Вдруг чёрная кошка меж нас пробежала.
И нет виноватых, не надо искать,
Не надо звонить, ничего обещать.
Ни боли, ни слёз, как-то пусто и тихо.
Шагов твоих быстрых в подъезде не слышно.
Сижу на диване и книжку читаю,
И встречи с тобой я не жду, и не чаю.
Прости, отболело, ведь слёз было много.
Пойду без тебя я, счастливой дорогой.
Но только обида занозой сидит,
Забыть всё, что было, она не велит.
Надеюсь, ты счастлив теперь без меня.
Вдруг больно кольнуло: Мама, а как теперь я?
Я глажу живот свой: Спокойно, родной.
Мы справимся, милый, и с этой бедой.
Расти мой, хороший, не бойся, не плачь.
Аборта не будет, ведь я — не палач.

ЧТО ПЛАЧЕШЬ ЖЕНЩИНА С ГИТАРОЙ

Что плачешь женщина с гитарой?
Что так терзает твою грудь?
Колки дрожат под лентой алой,
В глазах слеза, а в песне грусть.
Зачем томишься безысходно,
Вкусив любви счастливых дней.
Счастливой стань, дыши свободно,
Цвети же юностью своей.
Гитару я к груди прижму,
Как обнимались мы с тобою.
И что по нервам, — по струне
Пройдусь я трепетной рукою.
Гитара, плачь, гитара, плачь,
Любовь оплакивай со мною.
Поверь, никто не виноват,
Что мы расстались вдруг с тобою.
Гитара, плачь, гитара, плачь.
Мы так измучены любовью.
Всё жду касания его
Рукой горячей к изголовью.
Напомни мне, когда любовь
Во мне цвела вишнёвым садом.
Нам вместе было хорошо
И был со мной любимый рядом.

**В ДЕРЕВНЕ ДАЛЁКОЙ,
СИБИРСКОЙ**

В деревне далёкой, сибирской
Я жизнь коротаю свою.
Пью воздух духмяный и чистый,
Сибирскую песню пою.
В деревне живу, не в столице,
Соседу здесь каждому рад,
И белёных ряд палисадов
На страже у дома стоят.
Здесь поле гречихи безмерно,
Пчела за нектаром летит,
Орёл, над землёй пролетая,
Завидев добычу, парит.
Как пахнет и лесом, и лугом,
И свежим покоса жнивьём,
И батька шагает за плугом
В кафтане потёртом своём.
Здесь воздух и чист, и прозрачен
На утренней, ясной заре.
И сытое стадо коровье
Гуляет по летней поре.
Поляны брусники, клубники,
Смородины красной наряд.
Вечёр — и по утру, шальные
Всполохи зарницы горят.
У речки прозрачной, студёной,
С ромашек сплетаю венок.
И птицы щебечут лесные,
Гусята пасутся у ног.
Леса очаруют красою,
Листвою берёз и осин.
Привольно и зверю, и птице,
И гроздьям роскошных рябин.
А в ельничке место грибное,
Полно здесь и клюквы в мороз.
Омытая сладкой росою
И дождичком радостных гроз.

ЕСЛИ Б ВЫ ЛЮБИЛИ

А я задумчиво в окно
Смотрю и в мыслях растворяюсь.
Мы так не виделись давно,
Мечтами я о вас терзаюсь.
Я не могу вас ненавидеть,
Я прежде сильно вас любил
И даже рад с другим вас видеть,
Чтоб вас, как я боготворил.
И пусть ваш взгляд — не для меня,
О вас сейчас слагаю песню.
Без вас не мог прожить и дня,
О если б вы любили, если б.
Дни пролетят, года пройдут,
Вдруг голос нежный ваш услышу.
Воспоминания гнетут
И рвут на части мою душу.
А я задумчиво в окно
Смотрю и думаю о вас
И если б рядом были вы,
Как было б здорово сейчас.
И пусть не любите меня,
О вас сейчас слагаю песню.
Что мог бы сделать я для вас,
О если б вы любили, если б!

КАКОЮ МЕРОЮ ИЗМЕРИТЬ

Какою мерою измерить
Любовь мою к тебе, родная.
Всё сокровенное доверить
Могу лишь маме всё сполна я.
Какую песню тебе спеть?
Каким платком укрыть от вьюги?
И о любви сказать успеть,
С тобой мы — близкие подруги.
Прости ты взбалмошную дочь,
Не вороши того, что было.
Что не всегда могла помочь,
С обидой часто уходила.
Прости, что часто забывала
Свою стареющую мать.
Не шла поправить одеяло
И доброй ночи пожелать.
Какою мерою измерить
Любовь мою к тебе родная.
Всё сокровенное доверить
Могла лишь маме всё сполна я.

МАЛЬЧИШНИК

Скоро моя свадьба, и мальчишник
Подарили мне мои друзья.
Жизни взрослой тайны предвкушая,
Собралась дворовая семья.
Девушка чиста моя, невинна,
Думы были только про неё,
Вдруг огонь старинного камина,
Высветил мне горюшко моё.
Женщина с глазами дикой серны,
Ты украла сердце у меня.
Нас пленил табачный дым таверны
И камина отблески огня.
Чувств своих ещё не сознавая,
С микрофоном ты идёшь ко мне.
Ты прекрасна, я вдруг понимаю,
Быть хочу с тобой наедине.
Телом ты идёшь своим играя,
Неземною светишь красотой.
Волосы колышутся стекая
За красивой, беленой спиной.
Знаю, тебя многие ласкали,
Прижимая трепетно к груди.
Встречи, вновь опять
с тобой искали,
Вот и наши встретились пути.
Женщина, загадка, ты — Даная,
Нам с тобой совсем не по пути.
Чувствами сердечными играя,
Как тебя оставить и уйти.
И магнитом манят эти плечи,
Я тебе всего себя дарю.
Долго буду помнить этот вечер
И твоё игривое — ЛЮБЛЮ.
В ласковой истоме просыпаясь,
Рук тепло и тела, рядом — ты.
Губ твоих коралловых касаясь,
Погружаюсь в омут красоты.
Глаз лучистых искры: «Аллилуйя»,
Гнал реальность, грусти не унять.
Мы слились в прощальном поцелуе,
Боль мою в душе не передать.
Как унять томленье, не проходит.
Ты — мерило женской красоты.
Жить с другой, любить,
но не выходит,
Пред глазами — ты и только ты.

МИР ПЕРЕСТАЛ СИЯТЬ

Мир перестал сиять, как прежде,
Угасло всё, любовь убита.
Жизнь потеряла всякий смысл
И, как бокал вина, разбита.
На дне разбитого бокала
Остатком сладкого вина
Не утолить нам боле жажды,
Не насладиться им сполна.
Прости меня, любовь моя,
Из грёз, из сердца изгоняю.
Но я коварного тебя
Делить с другою не желаю.
Свободным воздухом вздохну,
С минутой каждою хмелея.
И птицей с клетки я вспорхну,
О сладкой жизни не жалея.
И, может быть, когда-небудь
К тем дням коварным возвращаясь,
Тебя я буду вспоминать,
Своей свободой упиваясь.
Всё дальше, больше с каждым днём,
Судьбы листок пишу по-новой.
Не пожалею ни о чём,
Лишь быть хочу любимой снова.

Издатель и учредитель: ООО Издательство «Буква С»
Свидетельство о регистрации ПИ №ТУ24 — 00869 от 10 декабря 2014 г.
Выдано Енисейским управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Красноярскому краю.
И.о. главного редактора: П.А. Статейнов
Выпускающий редактор: П.В. Злотников
Общественная редакционная коллегия:
А.П. Статейнов — председатель, А.Е. Кулаков,
В.С. Топилин, З.Н. Кузнецова.
Телефон в Красноярске: 211-75-75, 211-77-78
E-mail: stateinov@bk.ru, bukva.s@mail.ru
Адрес издателя: Красноярск, ул. Маерчака, 3, каб. 503
Адрес редакции: Красноярск, ул. Маерчака, 3, каб. 503
Адрес для писем: 660075, Красноярск, а/я 2430
Тираж: 999 экз.
Отпечатано в ООО «Издательская группа «Всем, всем, всем!».
Адрес типографии: г. Красноярск, ул. Телевизорная, 1, стр. 26.
Время подписания в печать по графику — 15.00, фактическое — 17.00
Сдано в печать 25.12.19 в 17.00.
Формат А3. Цена договорная.
Возрастное ограничение 12+